

Неприятные ТЕКСТЫ

КНИЖНАЯ
ПОЛКА
ВАДИМА
ЛЕВЕНТАЛЯ

Александр Артёмов
Настасья Хрущёва
Дмитрий Юшков

Содержит
нецензурную
брань
18+

Книжная полка Вадима Левенталя

Настасья Хрущева

Неприятные тексты

ИД «Городец»

2021

УДК 821.161.1-2
ББК 84(2Рос=Рус)6

Хрущева Н. А.

Неприятные тексты / Н. А. Хрущева — ИД «Городец»,
2021 — (Книжная полка Вадима Левенталя)

ISBN 978-5-907358-05-8

О смелом экспериментальном театре Артёмова, Хрущёвой и Юшкова говорят в обеих столицах последние несколько лет. Но где смелый театр, там новая драматургия, а значит, и экспериментальная литература. Настоящее издание предлагает посмотреть на уникальное явление в современном русском театре прежде всего как на литературное явление. Это новые речевые практики, новые способы взаимодействия языка с реальностью.

УДК 821.161.1-2
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907358-05-8

© Хрущева Н. А., 2021
© ИД «Городец», 2021

Содержание

Александр Артёмов, Настасья Хрущёва	6
Пролог	7
Сцена 1	9
Сцена 2	11
Сцена 3	13
Сцена 4	15
Сцена 5	17
Сцена 6	19
Сцена 7	21
Сцена 8	23
Сцена 9	25
Сцена 10	28
Александр Артёмов, Настасья Хрущёва	29
Рассказ Игната о пожаре	30
Рассказ Ивана о середине	31
Рассказ Бориса о молодости	32
Рассказ Глеба о любви	33
Рассказ Игната о богатыре	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

**Александр Артёмов, Настасья
Хрущёва, Дмитрий Юшков
Неприятные тексты**

© А. Артёмов, Н. Хрущёва, Д. Юшков, 2021

© ИД «Городец», 2021

Александр Артёмов, Настасья Хрущёва
Последний ветер Дикого Запада
Эсхатологический вестерн

Действующие лица

Фрэнк.
Джесси.
Сэм.
Билли.
Джо.

Пролог

Голос. Если и есть на Диком Западе история, в которую все верят – то это легенда об Алмазном быке. Только во что именно верят – непонятно, ведь о нем особенно ничего и не известно. Знают только, что где-то он есть, где-то на Диком Западе, среди выжженных степей и пустынных песков. И кто им завладеет – получит все. Что именно – все, – тоже никто точно сказать не может, но знание об Алмазном быке живет и передается, и многие хотят его найти, а для некоторых его поиск становится главным делом жизни.

Жили на Диком Западе четыре разбойника. И среди охотников за Алмазным быком они были самыми злыми, беспощадными и коварными. Чем дольше они искали Алмазного быка – тем больше в них копилось злости. Каждый из них боялся, что не найдет сокровище, но еще больше боялся, что найдет его кто-то другой из четырех. Такой проигрыш был для каждого из них хуже смерти. Поэтому они и были беспощадны – часто они выжигали целые села, убивали скот, грабили и опустошали жилища в надежде найти хоть какой-то след Алмазного быка.

Были ли эти четверо злодеев врагами, были ли они друзьями – сложно сказать. Каждый был готов убить другого, если тот другой найдет Алмазного быка. И это же их странным образом объединяло. Поэтому они часто действовали сообща. И каждый раз, потерпев неудачу, они собирались в таверне у бедолаги Джо, чтобы выпить вместе и поспорить – кто же из них первым найдет Алмазного быка, кому достанется сокровище. Так они часто напивались до беспамятства, а Джо, владельца таверны, они избивали до полусмерти и уезжали не расплатившись. А наутро снова брались за свое – грабили и убивали. И не было их злости предела, не было конца.

Однажды, собравшись в таверне у Джо, они особенно сильно поспорили. И поэтому особенно жестоко избили хозяина. Когда Джо был уже почти мертв, один из злодеев с насмешкой спросил у него:

– Ну что, старина, может быть, ты знаешь, найдет ли кто-то из нас Алмазного быка?

– Найдет, – прохрипел вдруг Джо из последних сил. – Один из вас найдет Алмазного быка.

– И кто же, отвечай, кто из нас найдет Алмазного быка? – пнул его второй разбойник.

– Найдет его самый свирепый, самый злой, самый жестокий и самый беспощадный из вас, – прохрипел Джо из последних сил.

– И кто же это, отвечай, бедолага Джо! – третий разбойник ударил его еще сильнее.

– Один из вас, – Джо показал на первого разбойника, – самый свирепый, другой, – Джо показал на второго, – самый злой, третий – самый жестокий, а четвертый – самый беспощадный. Но нет такого одного среди вас, – продолжал еле живой Джо, – нет такого одного среди вас, кто соединял бы в себе все эти четыре качества в их высшей степени. Поэтому я не знаю, кто из вас найдет Алмазного быка.

Озадачились разбойники, а потом еще больше вспылили:

– Говори, Джо, говори – как же нам теперь быть? Говори, иначе мы прикончим тебя прямо здесь.

На что Джо невозмутимо ответил:

– Вы должны ждать, когда задует последний ветер Дикого Запада. Один из вас услышит зов последнего ветра Дикого Запада.

– Когда же задует этот чертов ветер, скажи, Джо, скажи, черт возьми!

– Я не знаю, когда это произойдет, – продолжал Джо. – Но один из вас – тот, кому суждено встретиться с Алмазным быком – его не пропустит. Последний ветер Дикого Запада задует для одного из вас, и тогда он придет сюда, придет в эту таверну. В таверну к Джо. – Кто же из нас это будет, скажи, Джо, скажи, черт возьми, кто же из нас этот счастливчик?

– Я не знаю, кто из вас это будет. Один из вас – самый свирепый, другой – самый злой, третий – самый жестокий, а четвертый – самый беспощадный. Поэтому я не знаю, кого из вас позовет последний ветер Дикого Запада. Но знаю, что когда один из вас придет сюда – он не должен будет разбудить того, кто спит. Запомните. Нельзя будить того, кто спит. Один из вас – тот, кто услышит зов последнего ветра Дикого Запада и придет сюда, – не должен разбудить того, кто спит.

Сцена 1

Прошло двадцать лет. Таверна Джо – полуразрушенная, ныне не действующая. В центре таверны на полу спит пьяное крупное тело. Это Джо. Джо храпит. Завывает ветер. Появляется Джесси. Осматривается. Подходит к спящему Джо. За его спиной незаметно появляется Фрэнк и наводит револьвер.

Фрэнк. Джесси, черт возьми, старина, какая встреча!

Джесси. Фрэнк, приятель, мы не должны разбудить того, кто спит!

Фрэнк. Джесси, старина, мы опять в этой чертовой таверне. Это же гребаное вечное возвращение. Наверное, не стоило сюда возвращаться. Не правда ли, Джесси?

Джесси. Тише! Нам нельзя разбудить того, кто спит. *(Смотрит в сторону спящего Джо.)*

Фрэнк. Ты считаешь, что, если мы разбудим того, кто спит – никто из нас не станет везунчиком увидеть Алмазного быка?

Джесси. Ты всегда был неудачником, Фрэнк.

Фрэнк. И ты говоришь это, когда ты у меня на мушке?

Джесси. Послушай, Фрэнк. Хорош не тот орел, который высоко летит, а тот, за кем летит стая стервятников.

Фрэнк. Но какой же он орел, если он в любой момент может оказаться жертвой стаи стервятников? Джесси. Логика никогда не была твоей сильной стороной, Фрэнк. А я здесь для того, чтобы увидеть Алмазного быка, чтобы наконец-то увидеть этого чертова Алмазного быка, понимаешь?

Фрэнк. Ты всегда был наивнее, чем я, Джесси.

Джесси. Именно поэтому прямо сейчас я пушу тебе пулю прямо в затылок.

Фрэнк. Тогда ты разбудишь Джо и никто из нас так и не увидит этого гребаного Алмазного быка.

Джесси. Ты прав, старина. Я помню слова Джо. Он говорил – нам нельзя разбудить того, кто спит. Но, черт возьми, спит он сам, ты видишь, это же Джо. Фрэнк. Да, это Джо и он спит. И мы не должны разбудить того, кто спит.

Джесси. Но если он проснется, если проснется Джо...

Фрэнк. Если проснется Джо – я вынужден буду пустить тебе пулю в лоб. После того как проснется Джо – из нас останется только один. И ты знаешь кто, Джесси.

Джесси. Что ж, возможно, мне придется разочаровать тебя, Фрэнк.

Фрэнк. Возможно, я немного взгрустну. Ведь мы с тобой старые приятели, Джесси. Ты знаешь, каково мне будет тебя потерять.

Джесси. Да, Фрэнк, и вправду. Мне будет тебя не хватать. Ты ведь знаешь, как нелегко расставаться со старыми друзьями. Но Алмазного быка должен будет увидеть только один из нас.

Фрэнк. А как же Джо? Что же делать с Джо?

Оба смотрят в сторону спящего Джо.

Джесси. Для начала Джо должен проснуться. Возможно, он и скажет.

Фрэнк. Ты думаешь, он так легко скажет нам, где этот чертов бык?

Джесси. Я думаю, Фрэнк, после того как проснется Джо, тебя этот вопрос уже вряд ли будет волновать.

Фрэнк. Знаешь, Джесси, меня всегда забавляли заботы о будущем тех, кто в своем настоящем находится у меня под прицелом. Это похоже на то, как если бы аппетитный мангуст размышлял о своих планах, уже будучи в кипящей воде.

Джесси. Ты всегда блистал остроумием, Фрэнк. Говорят, что обычно им отличаются те, кто пытается скрыть свою никчемность.

Фрэнк. И опять о моей никчемности мне пытается говорить аппетитный мангуст прямо из чана с кипящей водой. Ты знаешь, что иногда я люблю подсолить.

Джесси. Ты знаешь, Фрэнк, у нас часто возникали моменты, когда я вынужден был с тобой согласиться. Что ж, пожалуй, и сейчас соглашусь. Но я хочу, чтобы ты не забывал, Фрэнк, что не тот орел хорош, что летит высоко, а тот, за кем летит стая стервятников.

Фрэнк. Что ты хочешь этим сказать, Джесси?

Джесси. Я хочу сказать, что мое положение и впрямь незавидное. Но, Фрэнк, ведь нас уже двое!

Фрэнк. Да, нас двое, но останется явно кто-то один, и я знаю кто.

Джесси. А ты не хотел бы вспомнить наших старых приятелей, Фрэнк?

Фрэнк. Ты хочешь сказать, что эти два болвана – Сэм и Билли – могут объявиться здесь с минуты на минуту?

Джесси. Я вполне могу предположить, что эти чертовы неудачники уже здесь и они держат нас на прицеле.

Сцена 2

Неожиданно за спиной Фрэнка появляется Сэм. Сэм наставляет ствол на Фрэнка, который держит на прицеле Джесси. Джо продолжает храпеть.

Сэм. Кто бы мог подумать, что ты окажешься настолько прозорлив, Джесси? Вы оба у меня на крючке, и я советую вам убрать куда подальше свои дурацкие штуковины. Алмазного быка суждено увидеть только одному из нас, и я надеюсь, вы уже поняли, кто этот счастливчик.

Фрэнк. Разве ты забыл, Сэм, слова старого бедолаги Джо?

Джесси. Да, Сэм, не хотелось бы тебе напоминать об этом.

Сэм. О чем ты, черт возьми?

Фрэнк. Мы не должны разбудить того, кто спит, старина. *(Указывает в сторону спящего Джо.)*

Джесси. Прежде чем ты выпустишь нам по пуле в затылок, ты должен дожждаться, когда проснется тот, кто спит.

Все смотрят на спящего Джо.

Сэм. Какого черта, Джесси?

Фрэнк. Мы не должны разбудить того, кто спит, иначе то, чего мы ждали двадцать долгих лет – двадцать долгих гребаных лет – двадцать лет мы ждали, когда же нас позовет последний ветер Дикого Запада и мы наконец-то сможем увидеть Алмазного быка, кто-то из нас один сможет его увидеть.

Джесси. И я даже догадываюсь, кто это будет, приятель.

Сэм. Этот счастливчик точно не ты, Джесси. Вы оба у меня на прицеле. И мой старый друг сделает свое дело, когда проснется бедолага Джо.

Фрэнк. Что ж, Сэм, ты всегда был хитрее нас. Хитрее и прозорливее. Мы действительно у тебя на прицеле. И конечно же, после того как проснется бедолага Джо, ты выпустишь обойму прямо в нас. Но не забудь оставить один патрон для себя, старина.

Джесси. Да это и впрямь неплохой совет, Фрэнк.

Сэм. Возможно, ты хотел сказать – оставить один патрон для бедолаги Джо? С ним я тоже разделаюсь – после того как прикончу вас.

Фрэнк. Неужто ты считаешь, что Алмазный бык будет рад прискакать к тебе сам?

Джесси. Ты думаешь, что Джо так запросто расскажет тебе, где пасется Алмазный бык?

Сэм. Я думаю, что Алмазный бык сам придет ко мне, ведь это я услышал зов последнего ветра Дикого Запада и поэтому я здесь.

Фрэнк. Тут ты ошибаешься, старина, ведь это я услышал зов последнего ветра Дикого Запада, поэтому я здесь.

Джесси. Возможно, вы оба ошибаетесь, приятели. Могу вас уверить, что отчетливым образом услышал зов последнего ветра Дикого Запада именно я, и поэтому я здесь.

Сэм. Нет, это я отчетливым образом услышал этот зов.

Фрэнк. Отчетливым образом ты услышишь только свист пули, пролетающей мимо тебя в голову Джесси, и сразу же – свист другой пули, которая прилетит уже тебе прямо в лоб. Вот что ты услышишь совершенно точно, Фрэнк.

Джесси. Что ж, Сэм, а я посоветовал бы тебе поберечь свой слух, а то ты прослушаешь свист последних секунд твоей жалкой жизни.

Сэм. Главное, что я не прослушал последний ветер Дикого Запада, старина, и поэтому я здесь.

Фрэнк. Мы все здесь, если ты не заметил. И мы с Джесси пришли сюда раньше.

Джесси. Раньше всех пришел я. Поэтому именно мне на этот раз может улыбнуться удача.

Сэм. Ты первым из нас сыграешь в ящик. Это и будет твоя удача, Джесси. А следующим везунчиком станет Фрэнк.

Фрэнк. С чего ты взял, что я так легко могу отказаться от того, чего ждал двадцать гребаных лет?

Джесси. Мы все этого ждали, и я не готов отказаться от того, чего я ждал двадцать гребаных лет.

Сэм. Тебе и не нужно отказываться от этого. За тебя все сделаю я. Ты знаешь – я никогда не промахивался. Это касается и тебя, Фрэнк.

Фрэнк. Могу поспорить с тобой, старина. Дважды стреляет только тот, кто не стреляет трижды.

Сцена 3

Неожиданно за спиной Сэма появляется Билли. Билли наставляет ствол на Сэма, который держит на прицеле Фрэнка, который держит на прицеле Джесси. Джо продолжает храпеть.

Билли. Боюсь, что тот, кто стреляет трижды – стреляет последним.

Сэм. И впрямь, Билли, мы тебя заждались, старина. Не правда ли, Джесси?

Фрэнк. Да, Сэм, ты абсолютно прав, я даже немного скучал по нашему старому приятелю.

Джесси. Черт возьми, старина! И мне тебя не хватало.

Фрэнк. Что ж, теперь мы все в сборе. Как говорится, четыре патрона в обойме вернее, чем ни одного. Но из четырех патронов последним бывает только один, как мне говорила моя бабушка, старая чертовка Салли.

Сэм. Да, Фрэнк, твоя бабушка была отъявленная мерзавка, и много добрых малых надеялись запустить в нее свой патрон. Но хочу напомнить тебе, что она сыграла в ящик, так и не увидев Алмазного быка. Да и тебе, Билли, вряд ли улыбнется возможность познакомиться с Алмазным быком, особенно если ты поспешишь сейчас разрядить в нас свою дурацкую штуковину. Мы не должны разбудить того, кто спит, Билли. *(Показывает на спящего Джо.)*

Билли. Но, черт возьми, это же и есть старина Джо!

Сэм. Да, Билли, я тоже сперва был приятно удивлен.

Фрэнк. Получается, тот, кто спит – и есть сам старина Джо? Получается, что Джо просил нас не разбудить Джо?

Джесси. Готов пустить себе пулю в лоб, если это не так.

Сэм. Сделай же это побыстрее, приятель, ты окажешь нам услугу.

Билли. Но тогда проснется этот старый неудачник, и вам всем не посчастливится свести знакомство с Алмазным быком.

Сэм. Ты прав, Билли, боюсь, нам всем придется подождать.

Фрэнк. Да. Сэм, придется подождать, старина.

Джесси. Немного подождать, пока не проснется бедолага Джо.

Фрэнк. Нам придется это сделать.

Сэм. Да, черт возьми, нам придется подождать.

Билли. Я и так очень долго ждал, пока меня позовет последний ветер Дикого Запада.

Сэм. И хочу заметить, что ждать тебе и впрямь пришлось немало – последний ветер Дикого Запада позвал тебя последним.

Фрэнк. Ты пришел, когда мы все уже собрались, Билли.

Джесси. Ты немного припозднился, старина.

Фрэнк. Тебе надо было бы поторопиться, Билли.

Сэм. Ты пришел последним.

Билли. Я последний из вас, как последний ветер. Как последний ветер Дикого Запада, который может задуть только тогда, когда приходит срок. Я не припозднился, я пришел в то самое время. И я уверен, что старый бедолага вот-вот проснется, он ждал меня.

Сэм. Может быть, Алмазный бык – это и есть мы четверо? И его четыре ноги – это наши четыре ствола.

Фрэнк. Не лсти себе, Сэм, твой ствол может сойти только за его хвост.

Джесси. Поэтому и последний ветер услышали мы все. Только вчетвером придя сюда, мы можем увидаться с Алмазным быком.

Фрэнк. Но не забывай, Джесси, что у Алмазного быка может быть только одна голова, и это явно не твоя безмозглая тыква.

Сэм. Если ты льстишь себе, Фрэнк, думая, что голова быка – это твоя голова, то хочу напомнить тебе, что все твое сходство с Алмазным быком ограничивается наличием рогов.

Билли. Не думаю, Сэм, что мы вчетвером можем составить Алмазного быка, учитывая, что вы трое похожи на Алмазного быка лишь тем, какую огромную кучу сраного дерьма вы можете наложить, скооперировавшись втроем. Но думаю, что последний ветер собрал нас всех в одном месте неспроста.

Сэм. Здесь не могу с тобой не согласиться, Билли. Подозреваю, что последний ветер Дикого Запада собрал нас в одном месте не для того, чтобы мы тут переговорили как старые приятели, пропустив по стакану виски.

Фрэнк. Ты и вправду продолжаешь считать, Сэм, что у последнего ветра Дикого Запада могли быть какие-то серьезные планы на такого самонадеянного ублюдка, как ты?

Джесси. И впрямь, Фрэнк, вряд ли у последнего ветра Дикого Запада были какие-то большие планы именно на старину Сэма, но мне, как и остальным тут, кажется, что вся эта чертовщина не случайна.

Фрэнк. А вам не кажется, что бедолага Джо нас просто одурачил – за то что мы двадцать лет назад прямо на этом месте его изрядно потрепали?

Сэм. Не то слово, Фрэнк, мы знатно надрали ему задницу!

Билли. Ты хочешь сказать, Сэм, что на самом деле никакого зова последнего ветра Дикого Запада мы не слышали?

Сэм. Ты-то ничего не слышал, Билли, ты вообще не расслышал бы зов последнего ветра из-за храпа очередной чертовки, коротавшей с тобой ночь.

Фрэнк. А тебе, Сэм, не кажется, что это ты явно мог что-то перепутать? Например, зов последнего ветра Дикого Запада и твой собственный разносящийся повсюду пердеж во время того, как тебе приходит в голову спустить балласт сраного дерьма в отхожем месте – ведь всем нам известно, что ты большой любитель испустить пар и делаешь это даже чаще, чем вдыхаешь этот сраный воздух?

Билли. Могу тебя успокоить, Фрэнк, сказав, что дышать этим сраным воздухом тебе осталось недолго. Но учитывая, что вы все у меня на крючке, я хотел бы узнать – например, у тебя, Сэм – как именно ты услышал зов последнего ветра Дикого Запада. Как это с тобой произошло? Давай же, приятель, расскажи, нам всем не терпится услышать подробности!

После слов Билли все внезапно, не сговариваясь наводят стволы на Сэма.

Пауза. Все с опаской смотрят на храпящего Джо. Все понимают, что если начать стрельбу – может проснуться Тот, кто Спит. Все смотрят на Сэма. Сэму ничего не остается, кроме как начать свой рассказ.

Сцена 4

Рассказ Сэма о любви

Сэм. Я услышал зов последнего ветра Дикого Запада.

После того вечера, когда бедолага Джо посоветовал нам отойти от дел, на меня напала хандра. Я проспал три дня и три ночи, а потом встал и побрел в сторону известного заведения старой бестии Мэг, чтобы немного поразвлечься с одной из ее грязных шлюх. Всем нам известно, что у старой Мэг всегда имеется в наличии не просто множество отборных шлюх, а целая свора отъявленных чертовок, гребаная стая бестий, каждая из которых готова развеселить моего приятеля множеством способов, даже когда я сам не в настроении. Придя на место, я по обыкновению выбрал одну из молоденьких мексиканочек – вы же помните, что я люблю смуглых худышек, которые быются об тебя и твоего приятеля как мешок гребаных костей. Так вот, когда я выбрал самую смуглую и уже готов был задать ей жару так, чтобы она еще несколько дней потом не могла бы сидеть на своей костлявой заднице – вдруг, не знаю что это со мной случилось, но мой приятель впервые меня подвел. Вот же дерьмо! – подумал я. Мой приятель меня подвел. Я решил, что дело в тощей шлюхе, и пнул ее под зад, и она с визгом вылетела прямо в открытое окно. Я крикнул старой бестии Мэг: «Эй, старая карга, что за дерьмо ты мне подкинула? А ну-ка приведи сюда что-нибудь погорячее – а то мой приятель совсем расстроится и тогда всему твоему тухлому заведению будет не до веселья». Она криво усмехнулась и привела мне свою новенькую – ту, что в последнее время пользовалась наибольшим успехом. Она была еще хуже и костлявее первой, и я подумал, что ее-то я обязательно отмолочу до звенящего треска в ушах. Но что же за дерьмо – мой приятель и в этот раз отказался иметь с ней дело. Тут я разозлился еще больше, и вторая шлюха с визгом поспешила следом за своей подружкой прямо в раскрытое окно. Я решил, что, наверное, дело не в шлюхах, а в этой гребаной хандре, крикнул Мэгги, чтобы она принесла мне немного выпить. Старая бестия снова криво усмехнулась и принесла мне сразу три бутылки виски. Я влил их в свою прожженную гортань и тут же уснул. Я уснул так крепко, как может спать только новорожденный выблядок, насосавшись молока из набухшей сиски своей раздобревшей мамашы. Я уснул и очнулся через три дня, попытался поднять свою задницу – и не смог. Я позвал старую Мэг, чтобы она помогла мне встать, но эта дряхлая старуха только усмехнулась, сказав, чтобы я посмотрел внимательнее – и что у меня парализованы обе ноги. Вот же сраное дерьмо! Пролежать в этой дыре трое суток и не иметь возможности унести отсюда свою задницу. Так я и пролежал двадцать лет на кровати в одной из комнат известного заведения. Каждый день я слышал из-за стен стоны и визги этих блудливых тварей, каждая из которых принимала за день от трех до семи изголодавшихся крепких парней. Но сам я не мог сдвинуться с места, а мой приятель и вовсе прикинулся мертвым. А эта чертова старуха каждый сраный день выносила из-под меня мое гребаное дерьмо.

И так прошло двадцать лет, и каждый день из этих двадцати гребаных лет я пролежал неподвижно, слушая визги и накладывая собственное дерьмо под себя.

И вот однажды, в один из осенних вечеров, поднялся сильный ветер. Поговаривали, что на нас идет торнадо. Стены этого сраного заведения содрогались, а черепицу срывало с крыши. Одну из шлюх ветром унесло прямо в небо, а все остальные подняли дикий визг, в котором уже ничего нельзя было разобрать. Вдруг в мою комнату вошла одряхлевшая еще больше за последние двадцать лет старуха Мэгги. Она с ухмылкой нависла надо мной, засунула свою костлявую руку мне в штаны и сказала: «Ну где твой Алмазный бык?» – и дико захохотала. И тут я ощутил, что мой приятель впервые за двадцать лет зашевелился, хотя старуха была мне отвратительна – ведь ей было без малого девяносто семь лет. Но моего приятеля это не смутило. При этом ногами я по-прежнему не мог шевелиться. Мои ноги и руки были непо-

движны, но это не мешало моему приятелю нагреваться и становиться все тверже. А шлюхи все визжали, и ветер сносил черепицу с крыши так, что сквозь нее уже было видно темное небо, в котором закручивались клубы пыли и грязи. И тут старая бестия запрыгнула на меня и начала скакать так резво, что дала бы фору любой молоденькой мексиканочке. Она смеялась и повторяла: «Ну где твой Алмазный бык? Где твой бык, ковбой?» А шлюхи все визжали, и ветер уносил одну за другой, одну за другой прямо в темное небо – это было видно сквозь оторванную крышу этого чертова заведения.

Вдруг ветер резко стих. Мэгги испустила хриплый стон и забилась в агонии. Она испустила дух прямо сидя на мне. Старая шлюха умерла сидя на моем приятеле.

И тут я понял. Я понял, что это и есть зов последнего ветра Дикого Запада. Он пришел за мной, этот ветер, пришел за мной после двадцати гребаных лет. Я резко скинул старуху на пол и встал. Встал обеими ногами, как будто и не было этих гребаных двадцати лет. Я встал и пошел сюда, в таверну к Джо. Потому что отчетливо понял, что последний ветер позвал меня. Я понял, что последний ветер Дикого Запада позвал меня сюда.

После рассказа Сэма все внезапно, не стовариваясь наводят стволы на Билли. Пауза. Все с опаской смотрят на храпящего Джо. Все понимают, что, если начать стрельбу – может проснуться Тот, кто Спит. Все смотрят на Билли. Билли ничего не остается, кроме как начать свой рассказ.

Сцена 5

Рассказ Билли об аде

Билли. Я тоже услышал зов последнего ветра Дикого Запада.

В тот вечер, когда мы все разошлись, когда мы разошлись на все четыре стороны, на меня – так же, как и на тебя, Сэм, – напала эта гребаная хандра. Я понял, что ничего не могу с ней поделаться, и погнал свою лошадь со всей силы вперед. Вперед, быстрее, я бил и бил своего скакуна, пинал его бока до крови, хлестал его все сильнее – он ржал и визжал, как гребаная свинья, но я продолжал бить, хотя это был мой боевой скакун, с которым мы прошли немало заварушек. И если раньше за своего скакуна я готов был положить кучку добрых малых, то сейчас я хлестал его изо всей силы и он визжал, как грязная свинья, визжал, пока его ноги не подкосились прямо на бегу – он издал последний визг и упал, обессилив. Тогда я сказал своему скакуну – ну что, приятель, кажется, ты свое отскакал. Он посмотрел мне прямо в глаза, и я высадил целую обойму в его рыжую лошадиную башку. Вокруг уже поджидала пара стервятников, и как только я прикончил свое животное, сразу же слетелась целая стая их приятелей-падальщиков. Я пожелал им приятного ужина и пошел дальше своим ходом. Я долго шел прямо, вперед, нет, я не шел – я бежал вдоль скал и каньонов, по колено в песке, и лицо мне обжигал ветер, а изнутри меня пожирала хандра. Я готов был прикончить любого, кто встретится мне на пути. И если мне попадался дикий койот или еще какая-нибудь поганая животная тварь, я без раздумий всаживал в него пулю, после чего хандра ненадолго отпускала меня, но потом возвращалась с удвоенной силой, как будто мне в грудь медленно вжималась огромная каменная глыба. Несмотря на то что силы меня покидали, я бежал все быстрее, как дикий бизон бежит по бесконечной прерии. Силы становилось меньше, а скорость все больше – меня гнала хандра, она уже почти целиком меня заполнила изнутри, как плавящийся свинец. Я всегда был запаслив и носил с собой большое количество патронов. Я стрелял во всех, кто попадался на пути: трусливых койотов и сливавшихся с песком оленей, диких гусей и вонючих скунсов – этих прожорливых и жадных тварей. Я бежал по прерии, как дикий бизон, неся смерть и паля во все живое. Я бежал, бежал, пока меня не сбило с ног стадо бизонов. И тут я упал. Я упал и понял, что меня окружили. Меня окружило стадо огромных буффало. И еще я понял, что у меня остался ровно один патрон. Прямо мне в глаза смотрел самый старый в стаде бизон, весом в полторы тонны, не меньше. Его огромные кровавые глаза смотрели на меня сквозь седую шерсть и ничего не выражали. Все стадо замерло в ожидании. И я понял, что мой последний патрон предназначен для меня самого. Я посмотрел в глаза старому бизону и дико засмеялся. Я смеялся и кричал: «Хер тебе! Хер, хер тебе, гребаное животное! Хер тебе, бычья голова! Хер тебе!» Я смеялся и кричал это ему. И только тогда хандра отпустила меня. Старый бизон смотрел на меня неподвижно, а хандра отпустила меня. Я смеялся и кричал: «Хер тебе, гребаная туша! Хер тебе, гребаное животное! Хер тебе, сраный бизон!» – и выстрелил себе в башку.

Я выстрелил себе в башку и сразу же ощутил на себе языки пламени – это была уже не прерия, это был гребаный огненный котел, а вокруг был запах гари и горящего мяса. Да это же гребаный ад! – сразу понял я. Это же гребаный чертов сраный ад. Вокруг меня громоздились черти, и у каждого была горящая огненная плеть. Они хлестали меня так же, как я еще недавно хлестал своего скакуна, эти гребаные черти хлестали меня своими чертовыми огненными плетями. А я кричал им: «Хер вам, хер вам, гребаные адские черти, да идите вы на хер, идите вы к черту, провалитесь сами в ваш сраный ад!» Черти жгли меня своим адским пламенем, но я не горел. Вокруг меня копошилось еще несколько добрых малых, таких же негодяев, как я. Я видел, как они постепенно плавились в огне, плавились и орали от страшной боли – сначала плавилась их одежда, потом кожа, подкожный жир и кости, и в конце концов от них

оставалась только вонючая гарь. Но я не горел. Я не плавился и не горел в этом гребаном аду. Огненные языки лизали мою задницу, я чувствовал адскую боль, но я не горел. «Хер вам, хер вам, гребаные адские черти! – кричал я. – Подавитесь своими сраными плетьюми! Обосритесь своим адским пламенем! Сожрите, высрите и выблуйте свои сраные плети! Ваш ад – гребаное сраное говно! Хер вам, хер вам, адские выблядки! Сваритесь сами в вашем сраном котле! В вашем сраном гребаном оранжевом котле дерьма!»

Двадцать лет вот так жгли меня эти гребаные выблядки, двадцать лет они хлестали меня своими плетьюми, но я не горел. Я не горел, а кричал им – хер вам! Вы не черти, а кучка сраного вонючего сброда! Вы сраная блевотина, вы вонючее дерьмо! Хер вам! Хер вам! Хер вам! Хер вам! Хер вам!

И вдруг я почувствовал сильный пинок под зад. Моя задница была и так уже качественно исполосована сраными огненными плетьюми за последние двадцать лет, но это было какое-то новое ощущение. Я почувствовал, как мне дали смачного пинка под зад, и я полетел. Полетел прямо из гребаного сраного ада и вновь оказался посреди прерии, там, где двадцать лет назад я оставил стадо бизонов, но сейчас бизонов уже не было.

Я лежал посреди прерии, сильный ветер обдувал мою обожженную задницу, и я подумал – не иначе как сам дьявол потерял надежду сжечь меня своим сраным огнем и выпнул прямо из своего гребаного ада, дав смачного пинка под зад. Хер вам, хер вам, черти, подумал я. Хер вам, сраные ублюдки. Я лежу тут, и мою задницу приятно обдувает освежающий сильный ветер. Хер вам, куски дерьма. Я отчетливо слышу зов последнего ветра Дикого Запада.

После рассказа Билли все внезапно, не стовариваясь наводят стволы на Джесси. Пауза. Все с опаской смотрят на храпящего Джо. Все понимают, что если начать стрельбу – может проснуться Тот, кто Спит. Все смотрят на Джесси. Джесси ничего не остается, кроме как начать свой рассказ.

Сцена 6

Рассказ Джесси о добре

Джесси. В тот вечер, когда мы разошлись, на меня напала хандра.

Обычно в таких случаях – когда я начинал немного хандрить – мне достаточно было снести пару голов каких-нибудь проходящих мимо кретинов или избить до полусмерти какого-нибудь жалкого неудачника. В этот раз хандра была особенно сильной. Я отправился в таверну Спенсера, что находится в двух милях от таверны Джо, решив наконец-таки выбить остатки мозгов из этого болвана, который там обычно разливал свой отвратительный виски. Вы все знаете это место. Помните, мы наведывались туда пару раз и оба раза неслабо там почудили, напоследок выбив глаз хозяину.

Но когда я его увидел, я почему-то вдруг произнес: «Ну что, Спенсер, как твои делишки? Не хворает ли семья?» Он вздрогнул, решив, что я издеваюсь, и грубо ответил: «Семья семьей, а ты иди своей дорогой, кретин». Обычно на такие речи я даже не отвечаю, а сразу сношу башку вообразившему, что может говорить такое безнаказанно. Но тут, не знаю почему, я вдруг сказал примирительно: «Да ладно, Спенсер, старина, расслабься и налей мне лучше пару стаканчиков твоего дерьмового напитка». Он оторопел, решив, что я что-то задумал и явно собираюсь здесь неслабо пошалить. Я видел, что он был перепуган до смерти, но, собравшись с духом, взял ружье и сказал мне: «Если ты сейчас же не выйдешь отсюда, дерьмовый ублюдок, я проделаю в тебе столько дыр, что ты станешь похож на кухонное сито, которым моя жена просеивает гребаный овес!» Обычно такие фразы я даже не дослушивал до конца. Должен признаться, что это была первая настолько длинная гребаная фраза, которую я услышал в своей жизни, не разможвив голову говорящему. Но тут, опять же не знаю почему, я произнес следующее: «Послушай, Спенсер, старина, я понимаю, что ты раздражен, но хочу признаться тебе, что ты просто счастливчик и на редкость удачливый малый, что тебе довелось жениться на такой красотке, которая настоящая чертовка, и тебе завидует каждый, кто видит вас вместе, да и ведь еще и она родила тебе двух таких славных юрких сорванцов». После этих слов Спенсер разволновался еще больше, он явно не знал что и думать – ведь я не из тех малых, что решают дела с помощью разговорчиков. Старик дрожал от страха и наполнялся яростью. «Уноси отсюда свои вонючие ноги, пока я не отстрелил нахер пару твоих тухлых яиц!» «Черт возьми! – подумал я. – Да этот кусок дерьма явно слишком много о себе возомнил!» Но в ответ я лишь улыбнулся ему, как старый приятель, и сказал примирительно: «Ты и впрямь славный малый, Спенсер, где еще как не в твоей таверне можно услышать столько крепких словечек».

«Это все эта чертова хандра, – думал я. – Ведь я всегда был готов размазать по стене мозги любого засранца, который мне чем-либо не приглянулся, а тут я веду себя как гребаный добряк». Я и правда не понимал, что со мной происходило. Вместо ярости и злобы во мне бурлила эта гребаная доброта, мне хотелось мириться с каждым и с каждым ублюдком стать добрыми приятелями. Я смотрел на этого мелкого подонка Спенсера и улыбался как кретин. Я улыбался как дешевая шлюха, я улыбался как гребаный добряк.

И тут в Спенсере что-то резко переменялось. Похоже, что он понял, что я спятил. Он понял, что я спятил и я стал гребаным добряком. Его перекосила усмешка.

Спенсер сказал: «А сейчас ты встанешь на колени и вылижешь мои вымазанные в навозе ботинки своим поганым языком». Я покорно подчинился ему, не переставая улыбаться как гребаный добряк и периодически повторяя: «Спенсер, старина, ты и впрямь славный малый, мне чертовски повезло свести с тобой знакомство».

После того как ботинки были вычищены, Спенсер позвал двух своих сынков – сучьих выблядков – и сказал им: «Смотрите, парни, теперь у вас есть живая игрушка». И эти маленькие подонки стали играть со мной в игру, которую они называли «расколи себе башку»: заста-

вили меня с разбега биться головой об острый угол деревянного столба, стоявшего посреди таверны их папаша, пока из глаз у меня не пошла кровь, тогда они переключились на игру «догони свою лошадку»: привязали меня к ноге старой хромой клячи, которая уже еле передвигалась, и прижгли ей задницу раскаленным куском железа – она рванула, как молодая кобыла, и протащила меня за собой добрых полторы мили.

Во время третьей игры, которую они называли «разуй уточку», я чуть не испустил дух, но продолжал улыбаться как гребаный добряк и периодически говорил им: «Все-таки вы горячие парни – и мы с вами сегодня неплохо повеселились».

Так прошло двадцать лет. Маленькие ублюдки подрастали, а их игры становились все жестче взрослее. Каждый мой день приносил мне новые мучения и длился мучительно, как целые двадцать лет, но с моего лица не сходила легкая улыбка, и я не переставал быть гребаным добряком.

Но наступил день, когда к играм своих подросших сыновей присоединился сам Спенсер. Эту игру старик назвал «Завтрак в таверне у Спенсера», и по ее замыслу они должны были подвесить меня за ноги, слегка подкоптить на костре, а затем отрезать мне яйца и поджарить их на сковородке в томате, смешав с потрохами, подаваемыми к завтраку. Ублюдочные переростки уже были полны азарта и потирали свои ручонки от нетерпения, а старик Спенсер недолго думая привязал меня головой вниз прямо над разгорающимся костром.

Дым поднимался к моей голове, а я висел и смотрел на приготовления. И тут Спенсер подошел ко мне, хлопнул меня по ляжке и впервые за двадцать лет вместо брани я услышал от него: «Ну что, старина, ты и впрямь добрый малый. Ты все терпишь, как настоящий добряк. Вся моя семья, моя красotka жена и двое наших крепких парней просто в восторге от тебя и очень ценят твою доброту. Ведь ты и впрямь добрый малый, старина, ты и в самом деле настоящий добряк». Я спросил Спенсера: «Ты считаешь, что я и впрямь добрый малый, ты действительно считаешь, что я настоящий добряк, старина Спенсер?» И Спенсер ответил: «Да, старина, за двадцать лет мы не слышали от тебя ни одного злого слова, ты все терпел и был покорным – пожалуй, ты самый добрый из всех, кого я встречал, ты и впрямь настоящий добряк». А я сказал ему: «А вот и нихера подобного, Спенсер, нихера подобного, слышишь?» И с этими словами я изо всей силы резко выгнулся и впился ему в горло зубами и тут же разорвал веревки, скрутил ими двух подонков-переростков и их шлюху-мать и бросил их в разгоревшийся костер. И тут поднялся сильный ветер. Огонь перешел на таверну, а затем и на все склады, амбары и сараи и на все сраное имущество жалкого ублюдка, которого я должен был прикончить двадцать лет назад, но не смог, потому что на меня тогда напала хандра и я стал гребаный добряк. Но сейчас хандра прошла, и я уже не гребаный добряк. Хандра прошла вместе с ветром, который впервые подул так сильно, и я понял. Я понял тогда, что это и есть последний ветер Дикого Запада, это его зов. Это зов последнего ветра Дикого Запада.

После рассказа Джесси все внезапно, не сговариваясь наводят стволы на Фрэнка. Пауза. Все с опаской смотрят на храпящего Джо. Все понимают, что, если начать стрельбу, может проснуться Тот, кто Спит. Все смотрят на Фрэнка. Фрэнку ничего не остается, кроме как начать свой рассказ.

Сцена 7

Рассказ Фрэнка о булимическом синдроме

Фрэнк. В тот самый день, когда Джо рассказал всем нам про последний ветер Дикого Запада, на меня напала хандра. Я немного взгрустнул, но подумал, что это сущий пустяк и нужно просто немного подкрепиться. Вы все знаете, что я большой любитель вкусно пожрать и в этом деле я могу превзойти любого. Но поскольку у старины Джо обычно была дерьмовая еда, я решил, что направлюсь в то заведение, где всегда имеется по-настоящему хорошая жрачка. В тридцати милях от таверны Джо есть местечко – харчевня под названием «Яйца жирного быка», где каждый день поджаривались различные части тела быка и его внутренности. Обычно, когда на меня находила небольшая хандра, я навещался в эту харчевню и брал либо бычью печень в перце и яблоках, либо соленые бычьи кишки в надутым бычьим пузыре, вываренные в горчичном отваре из бычьих ушей. Но в этот раз я заказал свежепорубленную ногу буффало в подкопченном свином сале, острую колбасу из кишок и пару кровавых стейков слабой прожарки из голяшки молодого быка, вымоченные в остром соусе барбекю. За плитой, как обычно, стояла жирная негритянка Долли, чьи ляжки по восемьдесят фунтов каждая лоснились от жира и возбуждали во мне еще большее желание. Часто я просил ее сбобрить готовое блюдо несколькими тяжелыми каплями ее жирного молока, которое постоянно протекало сквозь заляпанный сальный фартук из ее огромных черных сисек. В этот раз, съев в один присест все четыре блюда, я хлопнул ее по заднице: «Эй, текущая самка Долли, а теперь ну-ка сваргань мне что-нибудь по-настоящему особенное в этот погожий денек!» Перезрелая негритянка подтерла грязной рукой вытекающее молоко и подмигнула мне: «А я как раз и припасла для тебя кое-что особенное, ковбой». – «Ну так давай же поторопись, чертовка, шевели же своими жирными ляжками». И через каких-то пятнадцать минут Долли вынесла мне на сковородке какую-то шипящую мясную массу, которую я тут же проглотил. Она была и впрямь необычна на вкус, поэтому я спросил старушку: «Ах ты бестия, и впрямь это что-то необычное! А ну-ка скажи, что это было!» Долли снова подмигнула мне и с гордостью произнесла: «Это был бычий член, ковбой. Бычий член, обжаренный в свиных мозгах. Член самого крупного буффало, водившегося в этих краях, которого не далее как сегодня утром завалил мой славный муженек». Как только чертовка это произнесла, я внезапно ощутил резкий приступ тошноты и тут же выблевал все пять сожранных мною блюд прямо в вырез ее платья на лоснящиеся черные сиськи. Я не просто немного сблеванул, это был вонючий поток, настоящий чертов фонтан гребаной мерзкой блевотины. Долли невозмутимо переждала этот поток, а потом протерла концом своего фартука осевшие на ее сиськах куски мерзкой жижи и молча отправилась обратно к плите. Сразу же как только я изрыгнул из себя этот поток, я ощутил приступ адовой хандры и не менее адова голода. Я крикнул в спину Долли: «А теперь повтори, чертовка, повтори все эти блюда, добавь еще несколько просоленных бычьих глаз и, конечно же, не пропусти еще бычий член, тупая башка!» Долли кивнула в ответ и через какое-то время мой стол снова был заставлен тарелками и сковородками с кипящим мясом и внутренностями. И снова я наполнил свой желудок до отвала, и вновь меня накрыл приступ тошноты. Долли в этот момент как раз подошла к столу, чтобы унести пустую посуду, и на этот раз я залил ее своим потоком гребаной блевотины от ног до ее кудрявой полуседой головы. И снова Долли была невозмутима, только убрала рукой особенно мерзкие куски мяса и спросила: «Ну что, ковбой, еще раз повторить?» От блевания у меня уже закружилась башка и стали подкашиваться ноги, но я прохрипел: «Повтори, чертовка, повтори, адская бестия, и не забудь туда бычий желудок, перетянутый свинными жилами, ну и, конечно же, главное, не пропусти бычий член, еще один бычий член, старая карга!» Долли снова приготовила, и снова все это закончилось моим блевом, на этот раз был заблеван весь пол – весь пол и даже некоторые стулья пенились от вонючей

жижи с кусками непереваренной жратвы, и уже казалось, что от смрадного запаха сейчас обрушатся стены этой гребаной харчевни. А Долли уже готовила свою острую стряпню, а я изнывал от голода и хандры, которые становились сильнее с каждым разом. С каждым разом меня выворачивало все сильнее, мне казалось, что еще немного и я выблюю все свои внутренности, но каждый раз голод снова накрывал меня, а Долли все готовила и готовила, уже не дожидаясь моей новой просьбы. Постепенно в гребаной блевотине потонули все стулья. Стулья, затем столы, а потом уже и мы с Долли оказались по шею в этой пахучей тяжелой жиже. И когда я изрыгнул очередной фонтан, Долли как-то странно посмотрела на меня и сказала: «Ну что, ковбой, сегодня двадцать лет с тех пор, как ты первый раз блеванул в этой харчевне. Двадцать лет с тех пор, как я первый раз приготовила тебе бычий член. Готовить тебе его снова?» – «Да, чертовка, да, да, готовь, да, я хочу новый член и побольше, готовь мне еще один новый бычий член!» Но Долли на этот раз не стала торопиться. А, подмигнув, произнесла: «Твоя хандра так не пройдет, ковбой. Все эти члены – ничто по сравнению с членом Алмазного быка. Тебе нужно найти Алмазного быка, ковбой. Или ты прямо сейчас захлебнешься в своей собственной блевотине – видишь, ее уровень уже дошел до твоей шеи. Я твой ветер Дикого Запада, ковбой. Я ветер, и я говорю тебе – прямо сейчас направляйся в таверну Джо. Прямо сейчас. Я тебе говорю, ты слышишь? Я – последний ветер Дикого Запада, и я говорю тебе – иди в таверну Джо, чтобы увидеть член Алмазного быка. Иди туда прямо сейчас».

И вот я здесь, в таверне Джо. Ведь я услышал зов последнего ветра Дикого Запада. Я услышал зов последнего ветра Дикого Запада.

Сцена 8

Рассказ Фрэнка окончательно вывел всех из себя. Ведь теперь каждый из разбойников не был по-настоящему уверен в том, что последний ветер Дикого Запада позвал именно его. Начинается беспорядочная перебранка. Джо по-прежнему храпит.

Сэм. Нет, это я услышал зов последнего ветра Дикого Запада!

Джесси. Тут ты ошибаешься, старина, это я услышал зов последнего ветра Дикого Запада!

Фрэнк. Вы все ошибаетесь, приятели, ведь это я услышал зов последнего ветра Дикого Запада!

Билли. Охотно верю тебе, приятель, с учетом того, что твои уши всегда забиты коричневыми пробками из сраного дерьма!

Сэм. Почему бы тебе не посмотреть на себя, приятель, ты как будто только что выполз из огромной кучи поганого навоза!

Джесси. Похоже, вы все – не более чем кучка свихнувшихся ублюдков, ведь это я услышал зов последнего ветра Дикого Запада.

Фрэнк. Похоже, свихнулась только твоя мать, когда решила выносить тебя в своем брюхе и выплюнуть тебя из своей утробы, как недоношенного выблядка.

Билли. Кажется, ты хватил лишнего, приятель, но имей в виду, что у меня есть средство тебя быстро успокоить вместе с двумя твоими ублюдочными друзьями.

Сэм. А я думаю, что мое успокоительное средство подействует на вас троих гораздо быстрее, поганые ублюдки!

Джесси. Не ссорьтесь, приятели, ведь вы втроем уже совсем скоро отправитесь в долгое путешествие, и я позабочусь, чтобы это произошло как можно раньше.

Фрэнк. Заткни свою пасть, кучка кошачьего дерьма! Долгим здесь может быть только звук испускания газов из твоего тухлого зада после того, как я продырявлю твою бесполезную башку, вонючая срань!

Билли. Вы все сейчас сдохнете, поганые выблядки!

Сэм. Мне послышалось, или ты действительно что-то сейчас сказал, мерзкий ублюдок? Засунь свое говно себе в рот, если не хочешь получить пулю прямо сейчас вместе с твоими приятелями, вонючий кусок поганого дерьма!

Джесси. Склизкий поганый выблядок!

Фрэнк. Кучка дерьмового навоза!

Билли. Кусок вонючей срани!

Сэм. Дерьмо собачье!

Джесси. Сраный ублюдок!

Фрэнк. Я размозжу твою башку!

Билли. Связка гнилых кишок!

Сэм. Тухлая вонь!

Джесси. Вонючий пердеж!

Фрэнк. Я вскрою твой кишечник!

Билли. Раздолбанная вонючая задница!

Сэм. Лужа пахучей блевотины!

Джесси. Гнилые помои!

Фрэнк. Дырявая сраная гнида!

Билли. Кучка поганого навоза!

Сэм. Тухлый кусок сраной гнили!

В громкой перебранке ковбои не заметили, что проснулся Джо. Внезапно все замечают это. Пауза. Все замирают в изумлении.

Резко начинается стрельба – ведь остаться должен кто-то один. В перестрелке все ковбои убивают друг друга. Четыре трупа, кровь, тишина. Огромный толстый Джо медленно встает, отходит помочиться с порога таверны. Застегивает ширинку. Оглядывает трупы со снисходительной усмешкой. Огромный Джо начинает смеяться. Огромный Джо начинает дико смеяться. Огромный Джо начинает дико смеяться, вознося руки к небесам.

Сцена 9

Конец мира

Джо кричит, дико смеясь и вознося руки к небесам. Джо кричит, прыгая и скача на четырех трупах.

Джо (*кричит*).

я – бык.

я алмазный бык.

последний ветер дикого запада позвал вас ко мне.

последний ветер

последний ветер дикого запада

вы его слышите?

вы слышите?

это ветер

это последний ветер дикого запада.

вы разбудили того, кто спит, ион проснулся.

он проснулся.

проснулся алмазный бык

черный глубокий кратер

и он начинается

начинается

начинается конец мира

конец мира начинается, когда будят того, кто спит

когда просыпается алмазный бык

вы слышите?

это тяжелая поступь четырех черных коров,

четырёх черных коров,

они приходят вместе концом мира.

эти черные колокольцы

черные коровы

они идут сюда

и их черные колокольцы

что это

они мычат

и их не слышно

не слышно

потому что

это последний ветер

последний ветер возмездия

он вбирает всебя все звуки

он покарает

последний ветер возмездия

вы видите?

попрыгунчики скачут и превращаются впули

попрыгунчики скачут и превращаются впули

три слепышки колят дровишки

три слепышки колят дровишки

когда просыпается алмазный бык
начинается конец мира
озера серной кислоты
реки черного песка
алмазный бык
его пробуждение
это ваше возмездие
вы слышите?
беззвучную волну несет ветер.
огромную беззвучную волну несет последний ветер Дикого Запада.
беззвучная волна идет к вам, она снимет свас скаल्प, беззвучная волна – ваш новый парикмахер.

попрыгунчики скачут и превращаются впули
попрыгунчики скачут и превращаются впули
три слепышки колят дровишки
три слепышки колят дровишки
вы слышите?
пески пустынь приходят вдвижение,
их сдувает ветер
последний ветер
пересаживает деревья корнями вверх,
последний ветер – это ваш новый садовник.
вы слышите?
ледяной оползень из грязи движется к вам прямо сгорных хребтов.
ледяной оползень из грязи смое ваши дома и ангары,
он – ваш новый уборщик.
попрыгунчики скачут и превращаются впули
попрыгунчики скачут и превращаются впули
три слепышки колят дровишки
три слепышки колят дровишки
тяжелая поступь
шаги четырех черных коров
и еще
ваш парикмахер
и ваш уборщик
и их беззвучные бубенцы
и никуда не деться
когда все уже началось
три слепышки колят дровишки
три слепышки колят дровишки
попрыгунчики скачут и превращаются впули
попрыгунчики скачут и превращаются впули
три слепышки колят дровишки
три слепышки колят дровишки
попрыгунчики скачут и превращаются впули
попрыгунчики скачут и превращаются впули

В конце этого монолога полумертвый Фрэнк (оказывается, он умер не до конца) слабеющей рукой наводит ствол и убивает Алмазного быка. Тело

Огромного Джо падает на ветхий пол полуразрушенной таверны. Немного помучившись, умирает и Фрэнк. Тишина. Постепенно стихает ветер.

Зло самоликвидировалось. Отныне наступили времена покоя и благоденствия.

Сцена 10

Эпилог

Голос. После того происшествия в таверне у Джо те четверо разбойников больше никого не грабили и не убивали, а об Алмазном быке больше никто и не вспоминал – как будто и не было его никогда. На полях всходила кукуруза, подрастал молодой скот, строились новые жилища. Если кто из стариков и заговаривал когда об Алмазном быке – то только шепотом, между собой, так чтобы их не слышали.

Да и зачем о нем говорить – когда реки чисты и полноводны, поля плодоносны, а самки домашнего скота все сплошь беременны новой жизнью. Солнце каждый день всходит на востоке и каждый день заходит на западе, закатываясь раскаленным красным шаром за горизонт водной глади. И нет на Диком Западе больше ни разбоя, ни убийств, ни грабежей, ни насилия. И даже всем известные разрушающие ветра – те, которые раньше сносили крыши домов и могли унести за собой корову или ребенка – как будто и вовсе закончились. Осталось от них лишь легкое приятное прохладное дуновение – такое же едва заметное, как воспоминание об Алмазном быке.

Александр Артёмов, Настасья Хрущёва
Молодость жива
Евангелие от бардов

Действующие лица

Игнат.

Иван.

Борис.

Глеб.

Петр.

*** * ***

Звук костра.

Игнат. Мы снова здесь, друзья. Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались.

Мы снова здесь. Мы молодые, друзья. Мы здесь. Мы снова молодые. Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались.

Вы слышите, друзья? Друзья. Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались.

Не правда ли – хорошая затея? Хорошая затея. Хорошая идея. Взять так – и вновь собраться вместе. Здесь, около костра. Всем вместе. Хорошая затея.

Рассказ Игната о пожаре

Вы слышите, друзья? Друзья. Да, наша молодость прошла. Но не ушла. Мы молоды, друзья. Когда мы вместе. Когда мы вместе все, здесь, у костра.

Мне пятьдесят. Ивану пятьдесят. Да, пятьдесят. Как есть. А уж что есть – то есть. Борису пятьдесят. И Глебу пятьдесят. И вместе – двести. Двести вместе нам. А двадцать семь только Петру. Петру, Петру – пукну рано поутру. Отцу Петра сейчас бы тоже было пятьдесят. Помнишь, Борис, помнишь, Глеб?

Отец Петра песню одну любил. «Дурочка» – песня такая. Там слова такие есть. Подожди-ка свой дом, подожди-ка свой дом. Очень он ее петь любил. Одну только ее и знал, на гитаре играл. Отец Петра. Так вот сидим, бывало, помните, вокруг костра, а он бурчит себе под нос: подожди-ка свой дом, подожди-ка свой дом. И улыбка с лица его не сходит – странная такая. Подожди-ка свой дом, подожди-ка свой дом. Гитара одна на всех, а он если возьмет гитару – то песен в этот вечер больше и не будет. Одна только песня: подожди-ка свой дом, подожди-ка свой дом. Вот и допелся. Сидели они как-то у костра – помнишь, Иван? Помнишь, Глеб? Сидели они с матерью Петра. Тогда еще не матерью, конечно. Но сильно любили друг друга. Так вот просидели всю ночь, а к утру в палатку пошли. В палатку пошли, а костер потушить забыли. Дыши – не дыши, а костер за собой потуши – правило такое есть, всем нам известно. А тут не потушили. Ветер поднялся и угли разбросал. Так пламя и перешло – прямо на палатку, прямо на брезент. Брезент правильный материал, плохо возгораемый, а тут почему-то хорошо загорелся, вспыхнул. Мать Петра кричит: горим, спасаться надо! Сама выбежала, тянет его из палатки горящей. А он ей: «Дурочка ты!» И ни с места. И улыбка странная. То ли соображение потерял, то ли еще что-то знал. «Сгорим!» – кричит она. А он ей снова: дурочка ты, снегурочка – называл он ее так. И ни с места. Так и не вытащила его. А через девять месяцев Петр родился.

И вот Петру сейчас двадцать семь. А отцу его сейчас пятьдесят бы было. Как нам. В сумме было бы сейчас двести пятьдесят.

А так в сумме двести двадцать семь получается. Простое число. Нечетное.

Вы слышите, друзья? Мы снова здесь. Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались.

Рассказ Ивана о середине

Иван. Вот вы говорите, что отца Петра огонь сжег. А меня огонь не берет. И мог бы огонь меня взять, да не взять меня огню. Не взять, потому что середина я. Средний.

Мать меня когда родила, так акушерка сразу и сказала: средний он у вас! Средний по всем параметрам. Голова у него средняя, руки по размеру средние, рост средний, обхват груди средний. Средний он у вас.

В тот день, когда я родился, – много было новорожденных, сразу восемь в палате лежало. И отцу каждого из них акушерка точный вес говорила: четыре пятьсот у вас, богатырь! Два семьсот – возьмет свое потом. Три шестьсот. Так каждому сказала, а моему отцу точной цифры не сказала. Говорит ему только: а у вас просто средний. Отец спрашивает: вес какой, скажите! Средний, говорит. Средний он у вас. Середина.

В тот день родители и поняли, что средний у них сын. Поначалу расстроились. А потом поняли: хорошо! Значит, середина будет. Не большой, не больной. А средний. Средний сын. Хорошо.

Так и жил я, так и рос. Бегал ни быстро, ни медленно. Ел ни много, ни мало. Нормально ел. Нормально рос. На ноги встал и ходить начал. Заговорил не рано, не поздно, а как время пришло – так и заговорил. Место свое с малых лет знал. Не в начале, не в конце, а посередине. Мать когда гладила по голове, так и говорила: золотая ты моя середина! Сына! Сына-середина.

Так и вырос. Выучился, обучился. Знания получил. Не много, не мало, а столько, сколько нужно. Звезд с неба не хватал, как говорится... Звезд не хватал, а что нужно брал.

Детей нарожали. Не много, не мало, а двоих родили. И нужды не испытывали. И роскоши сильной не знали. Так, нормально жили. Средне. Средненько. Как полагается.

Подвигов в жизни не совершал. Но что совсем подвигов не было – такого тоже сказать нельзя. Вот было раз, помню. Помнишь, Глеб?

Однажды в походе, у костра, когда я еще неженатый был – помнишь, Борис, помнишь, Игнат? С Глебом вы рассорились сильно. Двое друзей рассорились сильно, из-за девушки одной. Потому что решить она никак не могла, с кем из вас ей быть. Сильно красивая была. Долго ссорились, ругались. Борис слишком страстный был, а Глеб вспыльчивый. Никак решить не могли. А она в стороне стояла, довольная, думала: кто сильнее окажется – с тем и останусь. А я спокойно на все на это смотрел. В центре сидел, между ними, сидел и смотрел. Сидел-сидел и понял, что не должно быть так. Нехорошо это. Взял и ударил в лицо кулаком – одного и второго. Кулак у меня нормальный. Не маленький. Взял и еще раз ударил – по разу каждого. Упали без сознания оба. Девушка та красивая подходит ко мне и говорит: забери меня, возьми меня. Нет, говорю. Плохая ты. А мне не плохая, не хорошая, мне средняя нужна.

Так никому она и не досталась. Ни Борису, ни Глебу, ни мне. Наутро тогда проснулся я и думаю – а что хорошего я сделал? Подвиг что ли – двух друзей кулаком ударил, девушки красивой обоих лишил. Да и ее обидел, отказал ей. А потом подумал: правильно все сделал, хорошо. Девушка та плохая была. А друзья друзьями остались. Девушка та еще долго мне в любви признавалась. Все хотела женою моей стать. Только другая женой моей стала. Среднюю нашел себе. Подходящую. А друзья друзьями остались. Так вот и сейчас вместе здесь, снова у костра. Борису пятьдесят, Глебу пятьдесят. Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались.

А огня я не боюсь. Костер даже не всегда тушу. Потому что знаю, что средний я. Середина. Отец Петра другой был. Не такой, как я. Другой.

Рассказ Бориса о молодости

Борис. А я думаю так: отец Петра огонь на себя принял, чтоб со старостью разговора не начинать. Заранее разговор закончить. Раньше, чем придет она – старость. Чтоб молодость не ушла. Молодым хотел остаться – вот и принял огонь на себя. Так я считаю. Не вижу причин больше.

Потому что мне как никому известно, что она такое – молодость.

Я вот всю жизнь стараюсь тело свое в порядке сохранять. Мне пятьдесят, а до сих пор двадцать семь дают. Что сыну уже двадцать семь – никто не верит. Не верит никто – и правильно. Я и сам не верю, что пятьдесят мне.

Но не в теле дело, как говорится. А как говорится – так и делается. Душой не стареть нужно. Вот что немаловажно. Одни только упражнения здесь не помогут, хоть и делаю я их много. Каждый день много еще чего делаю. Все, что можно для тела. Как говорится, что ни дело – то для тела. А как говорится – так и делается. Чтоб не пятьдесят давали, а двадцать семь.

Молодость – такое дело, ее не сохранять нужно, а создавать. Каждый день создавать. Руками и ногами, всем телом. Но и тела целого недостаточно. Молодость – она духом создается. Я вот мозг свой, ум каждый день укрепляю, развиваю – каждый день что-то новое учу. Потому что молодость – она в уме и в духе, в здоровом теле – здоровый дух, и наоборот тоже верно. Знаю, о чем говорю. Как ни крути – результат налицо. Один раз только сорок два дали. Да и то я спросонья был.

И жене своей говорю: хочешь молодой быть – новое учи и тело укрепляй. Только не слушает она меня. Старенькая стала совсем. Сорок пять. Меня на пять лет моложе – а старенькая уже. И выглядит вроде хорошо, красивая она у меня, но старенькая. Моложе своих лет ей не дают. Да и не надо ей как будто этого. Ей этого не надо. А мне как быть? Когда жена старенькая? Как быть? Смотрю на нее – и вижу, что старенькие мы. Оба старенькие. Но я-то молодой! Мне-то как быть?

И сын наш в нее пошел. Двадцать семь лет – а старенький. Старенький уже. Двадцать семь исполнилось – и старенький сразу стал. Огня нет в нем. Молодость огнем не горит. Как тут быть?

Вот помню, как-то раз сын наш в дом девушку привел. С родителями познакомиться. Ровесницу свою, на год его моложе. Давно уже встречались они, а с родителями познакомить только через шесть месяцев решил. Пришли они, а девушка с порога как увидела меня – так и встала, как вкопанная. Сидели потом за столом, ели, чай пили, а она молчит и перед собой смотрит. Взгляд остановившийся. Так за весь вечер слова и не сказала. А на следующий день сын грустный пришел и говорит: ушла она от меня. Сказала: старенький ты для меня. Старенький. Так сын ничего и не понял, да и я ему не сказал.

А что тут скажешь? Старенький он у меня. В мать пошел. Так и живем: жена старенькая, сын старенький. Как тут быть? Вот и приходится одному молодость на всю семью сохранять. Создавать.

Вот, Петр, посмотри на себя – какой ты молодой. И мать твоя какая молодая. И отец твой молодость сохранил. По-своему. Не просто так огонь на себя принял. Для семьи старался. Чтоб молодыми вы всегда оставались.

Так я считаю. Не вижу причин больше. Потому что знаю, как оно. Как оно – молодым быть.

Вы слышите? Мы молоды, друзья. Мы здесь. Мы снова молоды. Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались.

Рассказ Глеб о любви

Глеб. Вот ты говоришь про огонь, а я тебе скажу – не от огня он сгорел. От любви он сгорел. Мать Петра он любил так, что любовь его и пожгла. Очень она сладкая была. Помнишь, Борис? Помнишь, Глеб? Сладкая она была очень. Огня своего потушить он не захотел – вот и сгорел. Дурочкой он ее называл. Дурочка, говорит, моя. Дурочка-Снегурочка. Так любил ее, что от любви и воспламенился. Так я считаю.

Сам-то я так не могу. Влюбляюсь часто, но чтоб воспламениться... В огне сгорать – горько, а я чтобы сладко было, люблю. Сладость и радость. Сладость и радость – вот что мне нравится.

Мне пятьдесят, а любимую свою так и не нашел. Сладость была, а любимой не было и нет. Искал ее всю жизнь тщательно. Ни одну не пропускал, если интерес какой-то рождался, помнишь, Глеб? А рождался он часто. Сладость и радость – плохо разве это? Особенно когда красоток так много. Кровь играет, сахар тает. Много их. Сладкие. На одну смотришь – голосок ангельский. Другая умная, скажет что-нибудь – только молчишь в ответ. А бывало, и понять нельзя, отчего оторопь в теле. Мед и сахар. Много их, сладких. Не сдержаться, не удержаться. Но как только душа гореть начинала, горечь чувствовал – сразу к другой уходил. Как сладость уходила – к другой уходил. Уходил, потому что не любил, когда горько.

Только вот как-то раз, однажды, нашло на меня что-то. Помнишь, Глеб, помнишь, Борис? Все вы эту историю знаете. Помнишь, Иван? Отец Петра уже тогда давно как сгорел. А я к матери Петра пришел, жену друга умершего попроведывать. Ты, Петр, не помнишь. Три года тебе было. Пришел к ней, а уйти не смог. Не смог, потому что у отца твоего, Петр, губа не дура была, самую сладкую выбрал. Отец Петра сгорел, а сладость его ничья осталась. Сожги меня, говорю ей, сожги меня своим пламенем. Она – в отказ. Ты, Петр, не помнишь этого. Но тут я уже не мог остановиться. Сладострастием опьянен был. Мед и сахар перед глазами. Получил, что хотел – силою. Получил, что хотел, и горько сразу стало. Горько стало. А она молчит, и только улыбка странная. Что ты молчишь? – говорю. А она мне: подожди-ка свой дом. Подожди-ка свой дом. И молчит.

Тут я и понял, в чем сила отца Петра и в чем разница между нами. Не люблю, когда горько, люблю, чтобы сладко было. Дом свой поджечь не могу. Горько это – дом свой поджечь.

И еще понял я, что сладость настоящая – там, где горечь. И еще понял я, что в день тот, когда отец Петра сгорел – помнишь, Борис, помнишь, Иван? Помните тот день? Так вот тогда не от огня он сгорел. От сладости он сгорел. Сладость его до вершины дошла и в горечь перешла. Огонь внутренний, что душу его жег – на тело перешел. Высшая сладость была – в том огне сгореть. Вы слышите, друзья? Высшая сладость была – в том огне сгореть.

А я той сладости не познал и не узнал.

Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались.

Рассказ Игната о богатыре

Игнат.

Догорел костер,
с пеплом унеслось
все, что росло когда-то.

А у трех сестер
иглы длинные, да между ними
бродит бес лохматый.

Заплутал и встал,
одинокое мне
в темноте средь высоких сосен.

Захотел, упал
камнем на траве —
будто кто-то бросил.

Оглянусь назад,
посмотрю в глаза,
а в глазах все пусто.

Бусинка-слеза,
ты меня не звал,
я — шестое чувство¹.

Мои это строчки. Сам сочинял, сам написал. Ну и сам вам прочитал. Пишу я много. Грущу много. Как грущу, так и пишу, как на душе есть — то и складываю. Остановиться не могу. Да и меня остановить никто не может, если дело это начну.

Так и буду смотреть в уходящие дни,
Параллельные жизни, пустоты небес.
Наблюдать, как любовь убивают одни,
А другие страдают пожизненно без.

И так могу, и по-другому могу. Как пойдет строка за строку цепляться.

Как кичится своей простотою плебей
И как гений терзает свою без конца,
Как бродяга слепой кормит с рук голубей,
Как сверкают восторженно храмы творца,
Так и буду нести свою лютую суть.

¹ Стихотворения этого раздела принадлежат Евгению Гаеру (1978–2020), актеру и поэту, исполнявшему роль Игната.

А раньше суть у меня была другая. Другим я был рожден, не тем, кто я есть сейчас. А рожден я был богатырем. Сила мне природой дана была. Сила, смелость и невиданная мощь. Богатырская мощь. До двадцати трех лет я таким был. Слов я много не говорил. Сила в словах распыляется. Там, где много слов – там силы нет. А силу я берег.

Дел тоже много не делал. В делах тоже сила распыляется. Поэтому и богатырей рождается немного. Дел много на земле, всех не переделаешь. Для этого не богатыри нужны, а люди дела. Люди дѣла делают делá. А богатырь в ожидании своей битвы пребывает. Пребывает в недеянии, вне дела пребывает, в ожидании. Богатырь не делает. Богатырь ждет, а потом вступает в бой. Много может лет пройти в ожидании. Может бой и не начаться вовсе. Все равно, пока ждешь ты его – богатырь ты. Но важно просто ждать и дело никакое не начать в ожидании. Ждать и не делать. Тогда богатырь ты. А как дело начнешь – сразу понятно, что не богатырь ты, а человек дела. А человек дела – он не богатырь, он человек дела.

Поэтому и спят много богатыри. Спят. Силу накапливают и сны видят о битве предстоящей. Снов много, яркие и буйные, сны о часе последнем, вечернем, сны о победе великой.

Таким я родился, таким я был. Спал много всегда. Людей подводил часто – сутки мог проспать. Спал, потому что не раз себя представлял в последней битве. К бою был готов, жизнь жил в ожидании боя, в ожидании часа вечернего. Спал и ждал минуты своей, знал, что она придет. Видел, как погибать буду в бою. Видел, как выигрываю бой этот. Одно и другое, и то и другое – счастье. И страха нет. Нет страха, а есть чувство. Чувство силы, и чувство битвы, и чувство часа вечернего.

Так и ждал до двадцати трех лет. В походы ходил с друзьями часто. У костра сидел, много часов мог сидеть, с огнем разговаривал молча, без слов. Бывало, у костра и засыпал. Друзья надо мной смеялись, помнишь, Глеб? Шутили: спи-спи, да пожар не проспай. А я, может, потому и засыпал у костра, что ждал пожара своего, ждал часа вечернего. Так и ждал – пока день тот не наступил. Тот день, когда отца Петра не стало. Помнишь, Борис, помнишь, Глеб? Ты, Петр, не помнишь. Помнишь, Иван? Ты помнишь, а я не помню. Проспал все то утро я в соседней палатке. И не проснулся даже от криков, от шума пламени буйного. А когда проснулся – уже пепел догорал и к небу дым поднимался. И понял я тогда: вот она была, моя минута! Моя битва! Час мой вечерний. Был – и прошел. Обошел меня. У отца Петра он наступил, час его. А меня обошел. Хотя богатырем он вроде не был и на его месте я должен был быть. Но, видимо, что-то огонь перепутал или ждал я как-то не так, ошибку какую, может, допустил.

Посмотрел я на дым, в небо уходящий, на отца Петра – и грусть сразу накатила. Взял бумажку – и писать начал:

Догорел костер,
с пеплом унеслось
все, что росло когда-то.

А у трех сестер
иглы длинные, да между ними
бродит бес лохматый.

Заплутал и встал,
одинокое мне
в темноте среди высоких сосен.

Захотел упал
камнем на траве —
будто кто-то бросил.

Оглянусь назад
посмотрю в глаза,
а в глазах все пусто.

Бусинка-слеза,
ты меня не звал,
я – шестое чувство.

С тех пор о битве своей я больше не думал. Не ждал я ее больше. Сила как будто то ли ушла куда-то, то ли не нужна стала. В слова вся сила распылилась. Пишу, пишу, строчки складываю и остановиться никак не могу.

Не злитесь на меня, из тех даров, что бережете вы —
Мне ни один не нужен.
На небо променяв уютный кров,
Из ста дорог вновь вглядываюсь в ту же —
Что выбрала меня и вверх в эфир ведет,
Как теплый ветер поднимает птицу,
В круг света и огня, туда, где все пройдет,
Откуда невозможно возвратиться.

Отец Петра мою силу с собой забрал, с дымом к небу унес. А мне только слова оставил – про дым тот писать. И про грусть, что после битвы осталась. После ожидания битвы. И песня эта в голове звучит все время. Помнишь, Игнат? «Дурочка» – песня такая.

Иван. Мы снова здесь, друзья. Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались.

Борис. Мы снова здесь. Мы молодые, друзья. Мы здесь. Мы снова молодые. Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались.

Глеб. Вы слышите, друзья? Друзья. Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались.

Иван. Не правда ли – хорошая затея?

Игнат. Хорошая затея. Хорошая идея. Взять так – и вновь собраться вместе.

Борис. Вместе. Здесь, около костра. Всем вместе. Хорошая затея.

Иван. Вы слышите, друзья? Друзья. Да, наша молодость прошла. Но не ушла.

Глеб. Мы молодые, друзья. Когда мы вместе. Когда мы вместе все, здесь, у костра.

Иван. Мне пятьдесят. Игнату пятьдесят. Да, пятьдесят. Как есть. А уж что есть – то есть. Борису пятьдесят. И Глебу пятьдесят. И вместе – двести. Двести вместе нам. А двадцать семь только Петру. Отцу Петра сейчас бы тоже было пятьдесят. Помнишь, Борис, помнишь, Глеб? Ты, Петр, не помнишь. Не помнишь, как отец твой первый раз песню свою спел. Подожди-ка свой дом, подожди-ка свой дом. А ты, Игнат, помнишь?

Игнат. Помню. Я там был и помню. Помню, как отец Петра первый раз эту песню спел. Помнишь, Глеб?

Глеб. Помню. Помнишь, Борис?

Борис. Помню. Помнишь, Иван?

Иван. Помню. Только ты, Петр, этого не можешь помнить. Так вот, когда отец твой первый раз эту песню спел, сказал, что больше никаких других песен петь не будет. Что в этой песне все другие песни вместе собраны. Помнишь, Борис?

Борис. Помню. И еще помню, что не поняли мы тогда его. И посмеялись. А ты, Иван, сказал: если в этой песне все другие песни собраны, то о чем тогда в ней поется? о чем эта песня? Помнишь, Иван?

Глеб. Помню. Спросил я тогда, о чем эта песня. Спросил у отца твоего, Петр: если в этой песне все другие песни собраны, то о чем тогда в ней поется? А он не ответил. Сказал только: пока пою я ее, молодость ваша не уйдет и не пройдет. Вот так сказал твой отец. Пока пою ее, костер вечно гореть будет. Помнишь, Игнат?

Игнат. Помню. А еще помню, что мы тогда не поняли его и посмеялись. Не поняли отца твоего, Петр. Ты этого не помнишь, а я был там и помню. Помню, что спросил: а зачем нам чтобы костер вечно горел? Так прямо и спросил – помнишь, Иван?

Иван. Помню. Спросил ты: зачем нам чтобы костер вечно горел? Так и спросил у отца твоего, Петр.

Игнат. А ты, Глеб, за него ответил: костер горит – значит, что-то говорит. И все посмеялись. Помнишь, Глеб?

Глеб. Помню. Все смеялись. А отец твой, Петр, с грустью посмотрел на нас. Я там был и помню, поэтому говорю. С грустью посмотрел на нас и еще раз повторил: пока я пою, костер вечно гореть будет.

Борис. Помню это. А еще, Петр, с тех пор, как отец твой песню свою впервые спел – человеком веселым перестал быть. Грустным стал человеком. Улыбка только странная появлялась, когда гитару брал и пел песню эту – «подожги-ка свой дом, подожги-ка свой дом». Я там был и помню. Помнишь, Иван?

Иван. Помню. И еще, Петр, помню, что с тех пор как будто молодость из отца твоего ушла. Ушла и прошла. Стареть он быстро начал. Двадцать три года – а уже старенький как будто. Огонь только на время в глазах появлялся, когда песню эту пел. «Подожги-ка свой дом, подожги-ка свой дом». Помнишь, Глеб?

Глеб. Помню. С того момента как будто молодость из него уходить начала. Помню.

Иван. Морщин нет, тело молодое, сильное – а сам стареньким стал. Двадцать три года – и вдруг старенький. Не знаю, как это объяснить. Помнишь, Игнат, помнишь, Борис?

Игнат. Помню, все мы помним.

Иван. А ты, Петр, не помнишь – не видел ты, как отца твоего вдруг молодость покидать стала. Двадцать три года – и вдруг стареньким стал. Не знаю, как это объяснить. Глеб, Иван, помните?

Глеб. Я там был и помню. А помнишь, Борис, в тот день, когда он песню эту впервые спел – девушка среди нас появилась красивая. Мы все веселые были тогда, резвые, молодые. Все хотели быть с ней. Как ни веселили ее, как ни старались, ни резвились – никем из нас она не заинтересовалась. Помнишь, Борис? Развеселить никак не могли ее.

Борис. Помню. Я там был и помню. Никто, Петр, мать твою развеселить не мог. А как отца твоего, Петр, она увидела – грустного, невеселого, – так сразу улыбка на лице ее появилась. Улыбка странная. Ты, Петр, этого не помнишь, но ты-то, Игнат, помнишь?

Игнат. Помню, был там и помню, а ты, Петр, этого не помнишь.

Иван. А ты, Глеб, еще тогда сказал: теперь она мне еще больше нравится. Улыбка у нее появилась – и он в ответ ей улыбнулся. Отец твой улыбнулся матери твоей, Петр. Тогда еще не матери, конечно. И увидели мы – помните? – что одинаковые улыбки у них. У нее и у него. Как одна. Странные улыбки. Подошла она к нему молча. Села рядом. Так они и просидели день, ночь и день. Слова друг другу не сказали. Помнишь, Глеб?

Глеб. Я там был и помню. Помню, Игнат. Так и просидели они день, ночь и день. Родители твои, Петр. Только песня иногда звучала. Подожги-ка свой дом, подожги-ка свой дом. А она подпевала, мать твоя: подожги-ка свой дом, подожги-ка свой дом. И снова молчали долго. Ты, Петр, этого помнить не можешь.

Борис. Да, Петр, не можешь ты этого помнить. Не было тебя тогда еще.

Иван. Петр этого помнить не может, а я помню, шутил над ними: что сидите, что грустите, что молчите, как старенькие? Старенькие – так и называл их. А отец твой, Петр, в ответ

на это гитару в руки брал и петь начинал сразу. Подожди-ка свой дом, подожди-ка свой дом. А мать твоя, Петр, просто смотрела молча, взгляд еще у нее такой остекленевший был – помнишь, Глеб?

Игнат. Помню. Помню, как вообще говорить с нами перестали. Оба. Обидно было. Столько лет, Петр, дружили с отцом твоим, в походы ходили, сколько веселья и дорог пройденных вместе было. А тут – совсем говорить перестал он с нами, отец твой. И она перестала, мать твоя, говорить с нами. Но в походы ходить не переставали. Ходили вместе со всеми, только молча. Помнишь, Борис?

Борис. Помню. А ты, Петр, этого помнить не можешь. Не было тебя тогда еще. Только в ту ночь, помню, в ту ночь сказал отец твой впервые за долгое время. Сказал: молодость с вами навсегда, друзья, останется, не уйдет и не пройдет. Помнишь, Глеб, помнишь, Иван?

Глеб. И я помню. Я там был и помню. Сказал, Петр, отец твой: молодость с вами навсегда останется, не уйдет и не пройдет. Ты, Петр, не помнишь, а я помню, что сказал он тогда: молодость с вами навсегда останется, не уйдет и не пройдет. И еще он добавил: слишком вы молоды, друзья, слишком с вами весело. Получается, это последние слова его были.

Иван. Получается, да. Я там был и помню. Помнишь, Борис? Последние это его слова были. Петр этого помнить не может, а я скажу, что ночь тогда была особенная. Тихая ночь. Ветра совсем не было. Ни шороха в лесу. Тишина. Помнишь, Иван, помнишь, Глеб? Тихая ночь. Помнишь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.